Валерий Зорькин:

«Конституция – бесценное завоевание»

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ назад 12 декабря 1993 года состоялось всенародное голосование по проекту Конституции Российской Федерации. В голосовании приняли участие 58 миллионов 187 тысяч 755 избирателей, или 54,8%. За принятие Конституции высказались 32 миллиона 937 тысяч 630 избирателей, или 58,4%, против – 23 миллиона 431 тысяча 333 избирателя, или 41,6%. Предлагаем вниманию читателей «Право Выбора» выдержки из доклада председателя Конституционного Суда Российской Федерации Валерия Зорькина о роли Конституции 1993 года в развитии государственности России.

Чем дальше в прошлое уходит 1993 год, горький и судьбоносный одновременно, тем яснее его уроки. Главный из них состоит в том, что неопределенность в вопросе права недопустима. Советский Союз распался в конце 1991 года. В начале 1992 года – в начале, а не в конце – у страны должна была быть новая Конституция. Любое промедление с ее введением означало только одно. Что общество начинает жить в условиях отсутствия фундаментальных правовых норм. Потому что нормы, задаваемые Конституцией РСФСР, умерли вместе со смертью СССР, частью которого и являлась РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

Кроме того, нововведения конца 80-х годов XX века превратили не безусловную советскую систему норм в эклектику, допускавшую произвольные толкования разными политическими силами в соответствии с их частными интересами.

Сознавая все это, те, кто боролся за немедленное введение новой Конституции, трудились, не щадя сил. Нельзя написать новую Конституцию за один день. Но ответственно заявляю – промедление с введением новой Конституции было связано не с невозможностью создания качественного правового документа в кратчайшие сроки, а с политической борьбой. Борьбой сил, кланов, групп. Борьбой, лишенной фундаментального и незаменимого ограничителя – острого понимания ценности государственности как таковой всеми борющимися группами. На словах все группы утверждали, что им нужно государство. Но это было на словах, а не на деле.

На деле же происходило следующее.

Одним казалось, что сохранение предыдущей Конституции даст им политические шансы. Ведь в Конституции РСФСР была заложена идея советской и социалистической республики. При этом советский принцип не мог быть реализован сколь-нибудь созидательно вне принципа руководящей и направляющей роли КПСС. Все остальные способы его использования, примененные в конце 80-х годов, предполагали только подрыв этой руководящей и направляющей роли, а вовсе не полноценную государственную жизнь по автономно-советским принципам. Недаром радикальные противники КПСС в конце 80-х годов держали в руках плакат «Вся власть Советам!».

При этом они совершенно не собирались жить по советским принципам. Они просто на первой фазе политического процесса использовали советские принципы для продвижения вперед принципов либеральных. В их понимании принцип «передадим всю власть Советам» был равносилен принципу «сначала отберем власть у КПСС». Власть у КПСС отобрали. И тут же выяснилось, что Советы без КПСС просто не могут обеспечивать полноту государственной жизни.

И вот тогда те, кто хотел вернуть власть КПСС, по сути считали: «Ну и что, что полнота государственной жизни не может быть реализована по формуле «советское минус однопартийное»? Пусть народ помучается в условиях неполноты государственной жизни! А там глядишь – и КПСС вернется».

На самом деле отсутствие полноты государственной жизни не возвращало КПСС, а окончательно разрушало Россию. Но определенные силы поставили свой политический интерес выше целостности страны. И потому тормозили принятие Конституции. Тормозили это принятие и прямые враги России. Которые, в отличие от корыстно недальновидных ревнителей старого, прекрасно понимали, что неполнота государственной жизни чревата сепаратизмом. А значит, скорым и окончательным крушением российского государства. Кто-то холодно и умно работал на решение деструктивной задачи. А кому-то уже виделись вожделенные властные привилегии в карликовых государствах, на которые должна была распасться Россия.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Фрагмент президентского Указа №1400, подписанного Борисом Ельциным 21 сентября 1993 года. Указ закачивается словами: «Прошу граждан России поддержать своего Президента в это переломное для судьбы страны время». В этом историческом документе говорилось, что единый согласованный проект Конституции необходимо было представить Конституционной комиссии и Конституционному совещанию к 12 декабря 1993 года. Указ №1400 утверждал и Положение о выборах депутатов Государственной Думы

Недальновидность советских консерваторов, жалкая корыстность региональных баронов, холодная и беспощадная воля врагов России – все это в совокупности работало на непринятие новой Конституции.

Велись бои за каждую строчку этой Конституции. Да что там строчку – букву, знак препинания. Блокировались самые очевидные правовые решения. Общенациональные интересы тонули в болоте частных корпоративных дрязг.

В той атмосфере, естественно, витал вопрос: «Неужели опять повторится Смутное время? Время всеобщего раздора, приоритета частного над общим, инстинкта над разумом?»

Справедливости ради должен сказать, что не только советские консерваторы, скрытые и явные сепаратисты тянули с принятием необходимой обществу Конституции. Ничуть не в меньшей степени с этим тянули те, кто выступал под флагом радикальных демократических реформ. Ибо этим, победившим в 1991 году, силам казалось вполне логичным закрепить до конца свое политическое превосходство, очистив политические институты от противников. А уже после этого начать вводить новые конституционные нормы – не в качестве собственно правовых и, значит, инвариантных по отношению к политическим результатам, а скорее в качестве политических. То есть закрепляющих власть одной силы на долгие времена.

Только к лету 1992 года радикальные демократы, считавшие себя восходящей политической силой, вдруг обнаружили, что у них уходит почва из-под ног. Что в условиях политического вакуума принадлежавшая им ранее советская власть переходит в руки их непримиримых противников. Что один за другим на сторону этих противников перебегают их вчерашние союзники. Что раскол в их рядах превращается в то, что Гоббс называл «войной всех против всех».

Тогда и только тогда радикальные демократы начали форсировать конституционный вопрос. Но время для легитимного решения этого вопроса было упущено.

В стране возник полномасштабный политический кризис. Страна месяц за месяцем, день за днем, час за часом все болезненнее реагировала на сургопатность, противоречивость норм, регулирующих жизнь совсем молодого и крайне слабого по этой причине российского государства.

Неполнота государственной жизни на наших глазах превращалась в губительную, невыносимую пустоту. Справедливо сказано: «Свято место пусто не бывает». Развивая это утверждение, можно сказать: «Пусто место свято не бывает». В этой пустоте, созданной близорукостью, корыстью, злой волей сознательных деструкторов, стало произрастать нечто, слишком очевидным образом злое. Политический радикализм, экстремизм, анархизм, фашизм.

Страна оказалась на грани гражданской войны.

Ценой невероятных усилий этой войны удалось избежать. Ценой ненужных и опаснейших издержек оказалось куплено то, что могло ранее быть получено совсем иначе. И в этом смысле – с другим историческим и политическим результатом.

Как относиться к тому, что этой ценой все же было получено? Для нас ответ однозначен – как к величайшему благу, величайшему завоеванию России. Те, кто указывают на недопустимую цену, которой были куплены эти конституционные завоевания, путают, прошу прощения, божий дар с яичницей. Издержки, как я уже показал, были огромны и возмутительны. Но представим себе, что Конституции бы не было. Тогда издержки стали бы просто катастрофическими.

Нужно, чтобы государственность и Конституция как ее правовое средоточие воспринималась всем народом как бесценное завоевание. Именно бесценное и именно завоевание.

Бесценное – потому что потерявший государственность народ ввергается в пучину разнообразных бедствий – как материальных, так и культурных, духовных, нравственных. И в конечном итоге перестает существовать.

В благоприятных случаях такой народ «всего лишь» теряет право на продолжение своего исторического бытия. Слово «всего лишь» я, разумеется, беру в кавычки. Ибо, как профессионал и как гражданин, верю и знаю – для очень и очень многих право на продолжение своего исторического бытия дороже материального благополучия. Употребляю же я словосочетание «всего лишь» потому, что история знает не только благоприятные случаи. Достаточно часто народы, терявшие государственность, не поглощались, а истреблялись.

Вот почему нам так надо, чтоб не только народ возлюбил государство. Чтобы и те наши сильные мира сего, которые, отрываясь от народа и противопоставляя свою избранность его простоте, ставят выше всего свое материальное благополучие, – чтобы даже они прозрели и увидели, что и благополучие-то их существует постольку, поскольку есть народ и государство.

Чтобы пораскинули они своими излишне материалистическими мозгами и поняли главную истину, которую прекрасно понимают в других странах. Поняли, что XXI век вовсе не сулит пресловутой всемирной идиллии. Поняли, что их материальные блага и, главное, источники этих благ в условиях отсутствия государства самым элементарным образом отчуждаемы.

Уже сейчас мы слышим из иноземных высоких уст слова о том, что Сибирь совершенно не обязательно должна принадлежать России. И что природные ресурсы, находящиеся на нашей территории, в принципе отнюдь не являются только нашим достоянием. Но если Сибирь не будет принадлежать России, то и сибирские месторождения не будут принадлежать тем, кто сейчас порою неразумно противопоставляет свою избранность общенародному единству и немыслимой без него государственности.

Или эти апологеты собственной избранности считают источники этой избранности неотчуждаемыми в силу института собственности как такового? Такая позиция была бы слишком наивной.

Корабль нужен всем пассажирам – как пассажирам кают класса люкс, так и пассажирам третьего класса. Завоеванная нами Конституция является гарантом того, что этот корабль не пойдет ко дну, не будет захвачен пиратами, не свернет с курса.

Право всех частиц нашего общества, всех групп, всех личностей на свою частную жизнь, частные интересы, частное суждение обо всем на свете – охраняется Конституцией. Но ею же охраняется обязанность этих частиц – индивидуумов и сообществ – создавать единое целое. Пока есть Конституция – защищены наши права и определены наши обязанности.

На основе Конституции и заложенного в ней всеобщего принципа юридического равенства и справедливости выстраивается все российское право как цивилизованная форма нашей жизни. И это в широком смысле конституционное право – не косное монолитное целое, способное существовать в качестве неизменяемой данности. Конституция и основанное на ней право – это живая сверхсложная система, чувствительная к культуре и религии, к политике и экономике, к социальной жизни и техническому прогрессу. Любое другое понимание Конституции и права превращает нас, отвечающих за человеческое доверие к данному институту, – в догматических жрецов, не способных хранить огонь в потухших, мертвых светильниках.

На основе Конституции мы отстоим то, что нам завещали предки – великий принцип симфонии, создавшей Россию, сделавшей ее великой, открытой миру, смело глядящей в будущее.

И вспыхнула усольская спичка

УСОЛЬЕ-СИБИРСКОЕ – город исторический. И этим официальным статусом он во многом обязан спичечной фабрике «Солнце», возникшей в 1888 году. Позже, уже в советские времена, усольская «спичка» выросла в крепкое предприятие, на базе которого был создан крупнейший в Сибири фанерно-спичечный комбинат «Байкал».

Возникновение и развитие спичечного производства оставило след не только в истории старинного Усолья, но и всего Приангарья. Ведь с таких предприятий, как усольская спичечная мануфактура, зарождалась промышленность нашего края.

Морозные дни 1888 года

В морозные январские дни 1888 года по Усолью, засыпаному снегом, прокатился слух о том, что иркутский промышленник П. Паршаков подыскивает для аренды земельный участок. Причем, поближе к воде. Любопытные быстро разузнали, что иркутский гость собирается выпускать спички. Самые осведомленные утверждали, что попытка запустить спичечную фабрику в Иркутске сорвалась. По причине дороговизны земли, рабочих рук и по ряду других обстоятельств.

Слухи ходили по кругу, а тем временем, действительно, на берегу Ангары, когда запахло весной, застучали топоры. Паршакову удалось заполучить удобный земельный участок на усольской окраине под боком у кожевенных мастерских местного купца Михайлова. Главная выгода была в том, что приглянувшийся участок выходил на берег Ангары. Местные плотники, получившие выгодный подряд, времени даром не теряли. Вот, что писал на имя иркутского начальства надсмотрщик солеваренного завода, следивший по заданию акцизного управления за действиями П. Паршакова.

«Потомственный почетный гражданин Иркутска П. Паршаков, – читаем в рапорте, – успешно устраивает в усольском селении спичечную фабрику, и имеет намерение открыть производство оной в текущем году… Выделка спичек предполагается исключительно безопасных (шведских), при помощи ручных станков. Производство спичек будет от 1200 до 1300 ящиков по 1000 коробок. Каждая коробка 75 штук спичек».

К концу апреля производственные помещения были закончены, но стройка продолжалась. Плотники взялись за двухэтажный особняк для хозяина и акцизного надзирателя, который должен был обосноваться при фабрике с момента её запуска. Одновременно в главном корпусе началась установка станков, а на берегу Ангары стала расти сырьевая биржа. Местный люд получил возможность заработать лишнюю копейку на заготовке и подвозке осины, чем многие не преминули воспользоваться.

Что же представляла сама фабрика, получившая название «Солнце»? Об этом можно судить по рисунку, который многие годы хранился в краеведческом музее усольской школы №11. Это был даже не рисунок, а скорее чертеж, выполненный тушью неизвестным автором. Главный корпус – приземистое здание, похожее формой на букву «г». Торцовая часть обращена к Ангаре, чтобы легче было подавать осиновые бревна – основное сырье для изготовления спичек. За главным корпусом – амбар с землянкой, штабеля все тех же осиновых бревен.

«Имею честь донести»

По рассказам старожилов, записанных в свое время краеведами-школьниками, бревна распиливались на фабричном дворе. Доставляли их на лошадях, позже появилась бревнотаска, на которой поднимали сырье, сплавлявшееся по Ангаре. Сам же цех, где изготовляли спички, был разбит на пять отделений, разместившихся под одной крышей. В машинном отделении на ручных станках метровые чураки лущили, чтобы получить стружку. Из неё в соседнем отделении клеили коробочки, а соломка для будущих спичек протравливалась и направлялась на пропитку. И только после этого попадала в макальное отделение, где наносились головки из зажигательной массы, приготовленной в фабричной «лаборатории». Здесь же зажигательная смесь наносилась и на коробочки, на ее узкие стороны. Разделение труда способствовало повышению производительности, но рабочим по 10–12 часов приходилось проводить в цехе.

И, тем не менее, в желающих попасть на фабрику недостатка не было. Перед её запуском Паршаков выбрал десять мужчин, трех женщин и четырех подростков. Всем остальным была обещана надомная работа. В день пуска в Иркутск улетела депеша за подписью помощника акцизного надзирателя Гантимурова. «…Имею честь донести, – сообщалось в ней, – о том, что фабрика зажигательных спичек, устроенная почетным потомственным гражданином П. Паршаковым, открыла действие и приступила к работам по выделке спичек 22 апреля 1888 года».

Поначалу не все шло гладко. В день выпускалось по семь–восемь ящиков спичек. За первый год всего было изготовлено 703 ящика. Оказалось, мало лишь наладить производство спичек, еще более тяжелое дело – их продажа. За первый год существования фабрики удалось сбыть только 400 ящиков – немногим более половины из того, что было изготовлено. Причина? Во-первых, конкуренция. Спички из европейской части России, хотя и были хуже усольских, стоили дешевле. Сибиряки, привыкшие к серным спичкам, с опаской встретили новинку. Паршаков наладил в Усолье выпуск безопасных, так называемых шведских спичек, но их побаивались. И многие по-прежнему предпочитали серные спички, от которых при зажигании искры разлетались во все стороны. Требовалось время, чтобы выгода усольских спичек стала всем очевидна.

Конкуренты золотодобытчикам

А вот хозяин фабрики вынужден был задуматься – стоит ли продолжать дело? Помогло акцизное управление, снизившее вдвое налог. И даже со страниц губернских газет стали раздаваться призывы смелее пользоваться усольскими спичками. К тому же чиновники резонно посчитали, что нельзя замыкаться, если думать о будущем губернии, только на винокурении и добыче золота, а надо развивать и другие виды промышленности. И пошли на снижение налога, убедившись, что Паршаков вкладывает капитал в развитие полезного производства и создание рабочих мест.

Через год Паршаков вновь получает со стороны акцизного управления налоговое послабление, но фабрика никак не может выйти на получение прибыли. К тому же в это время в Иркутске заработала спичечная фабрика «Т-ва Мыльников и К». Она гонит на продажу все те же серные спички, которые зажигаются от соприкосновения с любой поверхностью.

Паршаков не ошибся, решив подыскать себе компаньона. Им стал бывший хозяин Томской спичечной фабрики Моисей Минский. Объединив капитал, они взялись за реализацию новых планов. Паршаков, оставаясь хозяином фабрики, все дела по её управлению передал Минскому. Сам же взял на себя заботы по сбыту спичек. Обосновавшись в Иркутске, он завоевывал рынок. Удалось ему «на корню» купить и обанкротившуюся фабрику т-ва Мыльникова.

Перемены происходили и в Усолье. Под началом Минского фабрика значительно изменила первоначальный облик. К лету 1893 года сформировался своеобразный промышленный комплекс из 12 отделений. По совместному решению компаньонов его решили назвать «Т-во спичечной фабрики «Сибирь». До сорока человек увеличилось количество рабочих на основном производстве. На нужды фабрики трудились около 20 семей надомников. За этот «перестроечный» год объемы выпуска спичек перевалили за 4000 ящиков.

Лошадиные силы вместо рабочих рук

Новый всплеск производства был связан с началом строительства Транссиба. И хотя в Усолье гудок паровоза раздался уже в начале XX века, прокладка железнодорожной магистрали дала толчок промышленному буму по всей Сибири.

В 1897 году в Усолье появилась первая паровая машина, приобретенная в Англии. Мощность её была невелика – 12 лошадиных сил, но технический переворот состоялся. С переходом на машинную тягу удалось отказаться от изнурительного и малопроизводительного труда «крутильщиков», обслуживавших ручные станки.

Теперь «заведение Минского и Паршакова» становится фабрикой в полном смысле этого слова, так как раньше оно больше напоминало предприятие мануфактурного типа. На современный то тому времени уровень удалось поставить и сбыт продукции. Продажей усольских спичек стали заниматься известные торговые дома Шелгунова, Штомбока, Метелева, имевшие склады в Иркутске, Черемхово, Тулуне, Нижнеудинске.

От спички возгорится пламя

Фабрика росла, но жизнь рабочих оставалась прежней. Рабочий день, как и раньше, длился по одиннадцать с половиной часов. Еще дольше – до 14–15 часов – трудились, не разгибая спины, надомники. С повышением зарплаты, разумеется, хозяева не спешили. За тысячу склеенных коробков можно было получить порядка сорока копеек. Первая стачка спичечников состоялась в 1906 году. К тому времени на фабрике, переживший техническое перевооружение, трудились уже 220 рабочих, и почти все приняли участие в стачке, потребовав отмены сверхурочных работ, штрафов. Вскоре возник и профсоюз, сумевший стать защитником рабочих. Спичечники оказались в первых рядах протестующих, когда рабочие Усолья, узнав о Ленском расстреле, выступили в поддержку бесправных бодайбинских золотодобытчиков. В 1915 году спичечники стали инициаторами массовой первомайской демонстрации усольских рабочих. Её участники с красным флагом и революционными песнями прошли к базарной площади, где был организован митинг…

***

В краеведческом музее усольской школы №11 можно увидеть коробок спичек фабрики «Солнце», выпущенной вскоре после её открытия. Его откопал на своем огороде кто-то из местных жителей. В истлевшей холстине было обнаружено несколько коробков первых усольских спичек. В сырой земле они пролежали свыше 70 лет. И чтобы вы думали? Спичка зажглась с первого раза.

Борис Дмитриев